

Исходя из разработанной нами классификации типов эволюции языковой нормы [6, с. 174], можно выдвинуть следующее *предположение*.

Экзистенция бинарного (полинарного) параллелизма вариантов является одним из основных детерминантов эволюции языковой системы.

Низкодинамический (стагнирующе-стабилизирующий) тип эволюции языковой нормы (ТЭЯН) характеризуется такими синергетическими процессами, как самоорганизация и аттрактор, незначительным в процентном соотношении количеством коэкзистенциальных вариантов слов (КВС) в языковой системе и является благоприятным для кодификации литературной нормы языка.

Умереннодинамический (релаксирующе-стабилизирующий) ТЭЯН характеризуется бифуркацией и саморегуляцией, среднестатистической квантитативностью КВС и предполагает динамическое развитие литературной нормы языка.

Для высокодинамического ТЭЯН типичными являются процессы бифуркации и флуктации, приводящее к диссипации, огромное количество КВС, которые часто носят ненормативный характер, что способствует деструкции литературной нормы под воздействием энтропийности внешней среды и, в связи с этим, сложности кодификации литературной нормы языка.

Принцип системности в языке предполагает наличие определенным образом связанных между собой элементов, характеризующихся относительной выделенностью императивов по отношению к бесконечному многообразию и дисперсии явлений. Системное взаимодействие языковых явлений обуславливает явления вариантности на всех уровнях языковой системы.

Все вышесказанное полностью соотносится с теорией вариативности языковых знаков, так как само понятие вариантности включает как процессы диахронных трансформаций, так и связи и преобразования в синхронной системе языка. Синхронное состояние языковой системы динамично, для него характерна лишь относительная статика (аттрактор), так как и в синхронии создаются предпосылки и условия для диахронических преобразований. Динамика диахронических процессов вариативности намечается в синхронии и нередко присутствует в ней в виде явлений, рефлексирующих результаты исторических процессов эволюции языка (самоорганизация, бифуркация и флуктация), то есть императивность и вариативность предполагают друг друга. Изучение языковой системы невозможно без анализа языковых вариантов, образующих систему соединительных звеньев как диахронического, так и синхронного характера. Явления вариантности свойственны всем уровням языка, т. е. его подсистемам, но особенно ярко они проявляются на уровне лексической единицы. Но лексическая и морфологическая сферы не представляют собой разных уровней, поскольку они охватывают не различные единицы, соотносящиеся как часть и целое, а лишь различные стороны одних и тех же единиц языка – слов.

Общим основанием для появления и коэкзистенции вариантов является наличие в системе единиц того или иного уровня парадигматических оппозиций, которые могут иметь не только бинарный, но и полинарный характер.

Таким образом, в настоящее время *существует необходимость объективного синергетического исследования явления вариативности* языковых единиц, которое создает острую проблему литературной нормы языка. Нежесткость языковой системы, неодинаковая степень системности различных ее участков, многочисленные случаи асимметрии формы и содержания, борьба консервативной тенденции (устойчивости) с факторами языковой эволюции (стремление к экономии, к проведению аналогий, достижению регулярности и т. п.) приводят к тому, что в языке постоянно наличествует громадное количество параллельных вариантов языковых знаков, благодаря наличию которых сама система как в синхронии, так и в диахронии предстает не статической, а подвижной и развивающейся суперсистемой. В ней выделяются центр (императивные варианты языковых знаков) и периферия (диспозитивные и ненормативные варианты языковых знаков), а также доминантные и рецессивные черты и направления развития как суперсистемы языка в целом, так и различных ее подсистем.

Анализ конкуренции языковых вариантов необходим для определения основных тенденций развития языка и *создания синергетической теории эволюции нормы*, что позволит объективировать оценки альтернативных фактов современной языковой системы и усовершенствовать лексикографическую параметризацию языковых вариантов, так как характеристика вариантов и колебаний нормы значительно повысила бы нормативную ценность современных словарей.

Теория вариантности языковых средств претерпевает в настоящее время интенсивное качественное изменение и прогнозирует трансформироваться из частных, разрозненных и терминологически противоречивых суждений в стройную универсальную синергетическую теорию о принципах и всеобъемлющих законах развития и функционирования языка как нелинейной саморегулирующейся системы.

Литература

1. Герман И. А. Лингвосинергетика. – Барнаул. – 2000.
2. Курдюмов С. П., Крылов В. Ю., Малинецкий Г. Г. Психология и синергетика. – М. – 1990.
3. Пищальникова В. А., Герман И. А. Введение в лингвосинергетику. – М. – 1998.
4. Пятаева Н. В. Лингвосинергетика как продолжение системного принципа и проблемы динамического исследования сложных лексических систем. – СПб. – 2004.
5. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава: довідка. – 2006.
6. Хруцкая Н. В. Императивная языковая норма: зоны и фазы вариативности // Система і структура східнослов'янських мов / Зб. наук. праць. – К. – 2006. – С. 173-179.

Частникова С. А.

ПРАГМА-СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ОБЕЩАНИЯ

Теория речевых актов (ТРА) в последние годы все чаще привлекает внимание исследователей. Современная историческая прагмалингвистика в целом характеризуется экспансией, расширением арсенала собственных методов исследования языковой коммуникации благодаря когнитивной лингвистике, социолингвистике, психолингвистике,

знаменуя развитие новой когнитивно-коммуникативной парадигмы [5, с. 9-21; 10; 14], что и обуславливает актуальность данного исследования.

Как известно, наиболее разработанным в ТРА является иллокутивный аспект РА, ложится в основу большинства классификаций РА (подробнее в работах Дж.Серля, С.Левинсона, Дж.Юля, Г.Г.Почепцова, А.Вежбицкой, Э.Тсуи и др.). Гораздо менее детально описанными и разработанными являются отдельные типы РА, их модели, исторические инварианты и переменные. В данной статье избран объектом исследования РА промисив. Выделение прагмасемантических разновидностей РА промисива как подкласса комиссивов является основной задачей данного исследования.

Речевые действия неоднородны и имеют сложную природу. Именно поэтому неоднородны семантически и прагматически РА, относящиеся к одному подклассу и имеющие одинаковую иллокутивную силу. В случае с РА промисивом *ведущая иллокутивная сила* – обещание, основание для ожиданий [8, с. 272-274]. В работах отечественных и зарубежных исследователей были сделаны отдельные попытки как разбить класс комиссивов на более мелкие подклассы – предложения, клятвы, обещания, угрозы (Г. Г. Почепцов [8], А.Вежбицкая [6], Дж. Юль [4]), а также выделить типы непосредственно РА промисивов, названных ими обещаниями (Г. Р. Восканян [7, с. 8-9], В. И. Карасик [9, с. 117]). Однако проанализированные источники содержат фрагментарные, частичные сведения о разновидностях данного РА. Так, Г. Р. Восканян в своей работе в разряде комиссивов выделяет четыре разновидности речевого акта обещания: нейтральное обещание, обещание-уверение, обещание-уступка, клятвенное обещание [7, с. 8-9]. В целом принимая за основу данную точку зрения, рассмотрим разновидности РА промисива *по степени выраженности иллокутивной силы*, исходя из наличия в них определенных эксплицитных или имплицитных перформативных глаголов типа *promise* с семами обещания:

– нейтральные обещания – собственно обещания, где эксплицитно или имплицитно имеется перформатив *promise / give one's word*; индикатором таких обещаний является глагольная форма будущего времени *I'll do smth*;

– обещания-уверения имеют цель уверить слушающего в реальности и искренности слов говорящего, что характерно для глаголов *assure, insure, secure, make believe, grant, affirm, guarantee, warrant, undertake* etc.;

– клятвенные обещания часто имеют эксплицитные перформативы *swear, vow, pledge, take an oath*, в них возможно наличие маркеров обещания *upon my soul; I'll be dead; pray; my word of honour; I'll eat my hat/boots, I'll be bound* etc.

Рассмотрим пример нейтрального обещания, данного племянником своему дядюшке, который переделся ростовщиком. Его цель – дать собеседнику основание для ожиданий выполнения обещанного действия (в данном случае это помощь) – совпадает с ведущей иллокутивной силой РА обещания: «обещание, основание для ожиданий».

JOSEPH SURFACE. *Sir, 'tis impossible for you to stay now, so I must beg – Come any other time, and I promise you, you shall be assisted.*

SIR OLIVER. *No. Sir Oliver and I must be acquainted. (R.B.Sheridan, “The School for Scandal”, ACT V, Scene III).*

Обещания-уверения характеризуется добавочной семантикой: «обещание, основание для ожиданий» плюс «уверение в искренности намерений», «принятие на себя ответственности». Клятвенное обещание имеет иллокутивную силу нейтрального обещания – «обещание, основание для ожиданий» плюс семы «клятвенное обещание», «торжественное заявление», «взывание к чему-то священному». Например:

MARIA. *Ungenerously urged! But, whatever my sentiments are for that unfortunate young man, be assured I shall not feel more bound to give him up because his distresses have lost him the regard even of a brother.*

JOSEPH SURFACE. *Nay, but, Maria, do not leave me with afrown: by all that's honest, I swear – [Kneels. Re-enter Lady teazle.] Gad's life, here's Lady Teazle. (R.B.Sheridan, “The School for Scandal”, ACT II, Scene II)*

Для наглядной демонстрации степени выраженности иллокутивной силы РА промисивов от нейтральной до максимальной, построим следующую схему:

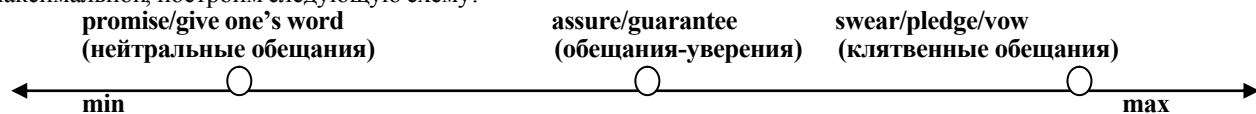

Схема 1. Степень выраженности иллокутивной силы РА обещания.

Следовательно, для нейтральных обещаний степень выраженности иллокутивной силы минимальна, для клятвенных – максимальна.

Развивая мысль о наличии в разновидностях РА промисива добавочной семантики, рассмотрим данный тип РА *с точки зрения его структуры*. РА промисивы могут быть простыми, характеризующимися наличием одной иллокутивной силы, как в примерах, рассмотренных выше, и сложными. Это РА обещания, которым соответствуют обещания-уступки в типологии, предложенной Г. Р. Восканяном. Для них характерно одновременное сосуществование основной и добавочной (иногда их бывает две и более) иллокутивных сил. Это комбинации «обещание + условие»; «обещание + объяснение»; «обещание + сообщение информации»; «обещание + рекомендация» etc. Рассмотрим пример: Сэр Питер корит жену за то, что она стала сплетницей, она клянется, что злословит не со злым умыслом и дает свои пояснения. В данном примере сложного РА имеется две иллокутивные силы: основная – «обещание, основание для ожиданий» и дополнительная – «объяснение, повествование», характерная для РА декларативов.

SIR PETER. *Grace indeed.*

LADY TEAZLE. *But I vow I bear no malice against the people I abuse: when I say an ill-natured thing, 'tis out of pure good humour; and I take it for granted they deal exactly in the same manner with me. But, Sir Peter, you know you promised to come to Lady Sneerwell's too. (R.B.Sheridan, “The School for Scandal”, act II, scene I).* –

По способу реализации РА обещания могут быть прямыми (наличие в высказывании перформативного глагола с семантикой *promise*) и косвенными (наличие грамматических форм Future Indefinite, реже Present/Future Continuous

или произвольных синтаксических конструкций, возможность невербальной реализации РА обещания) [11]. Например, разговор устроительницы мероприятия с главным швейцаром о вновь прибывшем госте:

LADY DRIVER: *Will you find a room for Mr –er...?*

SNELL: *Snell.*

LADY DRIVER: *Snell.*

BIRKETT: *Leave it to me, your ladyship.*

LADY DRIVER: *I'll hare along and tell the kitchens. [Exits] (M.Frayn. Donkey's Years, act III)* – обещание выполнить поручение реализовано РА директивом.

Анализируя прагма-семантические разновидности РА, носителем иллюкутивной силы в которых являются перформативные глаголы, многие авторы считают возможным выделить глагол-гипероним, обладающий некоей общностью семного набора [14, с. 51]. У каждого типа выделяют варианты, конструируя цепочку перформативных глаголов, объединенных этой семой, но имеющих конкретные дифференцирующие признаки (А. Вежбицка, Т.Баллмер и В. Бренненштуль [3; 1]). Так, для инварианта речевого действия “пообещать, дать основание для ожиданий” вариантами могут быть: поклясться, взять на себя обязательство, принести присягу, дать обет, дать зарок, поручиться, гарантировать и пр. Рассмотрим отдельные варианты подробнее.

Обещание – это прагмасемантическая разновидность РА промисива, соответствующая перформативной формуле “*I promise you to do p/smth*”. Подобной семантикой обладают также *give one's word, parole, troth* и *keep one's word* [3]. Логико-семантическая модель обещания имеет вид *I'll do p* = [я говорю, я сделаю нечто, так как думаю, что ты этого хочешь, и это будет благоприятно для тебя] [3, с. 205]. Реализуя обещание, говорящий считает, что дает слушающему основание для ожидания выполнения обещанного действия в будущем в указанные сроки. Статус адресанта может быть выше или ниже статуса адресата. Обещание может реализовываться как прямо или косвенно.

Клятва соответствует перформативной формуле “*I swear to do p/that*”. Подобной семантикой обладают также *take an oath, plight* и *vow* [3]. Логико-семантическая модель: *I'll do p* = [я клятвенно утверждаю, я сделаю нечто]. Произнося клятву, говорящий дает слушающему все основания для ожидания выполнения обещанного действия в будущем в указанные сроки, указанным образом. Статус адресанта может быть как выше, так и ниже статуса адресата. Клятва может реализовываться как прямо, так и косвенно. Для клятв характерно наличие маркеров, указанных выше в клятвенных обещаниях.

Обет имеет формулу “*I vow that*”. Подобной семантикой обладают *solemnly promise* и *pledge* [3]. Логико-семантическая модель: *I'll do p* = [я публично торжественно заявляю, я сделаю нечто и призываю высшую силу в свидетели]. Произнося обет, говорящий однозначно дает слушающему знать, что выполнит обещанное действие в будущем в указанные сроки, указанным образом. Статус адресанта может быть как выше, так и ниже статуса адресата. Обет может реализовываться как прямо, так и косвенно, но имеется тенденция к прямой реализации данной разновидности РА промисива.

Зарок имеет перформативную формулу “*I pledge myself to do p/that*”. Подобной семантикой обладают также *give an undertaking* и *vow* [3]. Логико-семантическая модель: *I'll do p* = [я публично клятвенно утверждаю, я сделаю нечто; пусть самое дорогое, что у меня есть будет гарантом этого]. Слыша зарок, слушающий получает все основания для ожидания выполнения обещанного действия в будущем в указанные сроки, указанным образом. Статус адресанта может быть как выше, так и ниже статуса адресата. Зарок чаще всего реализуется прямым РА.

Присяга имеет формулу “*I take an oath to do p/that*”. Подобной семантикой обладают *swear* и *pledge* [3]. Логико-семантическая модель: *I'll do p* = [я публично торжественно заявляю, я сделаю нечто и/или буду следовать определенной линии поведения]. Произнося присягу, говорящий дает знать, что намерен в будущем действовать определенным образом. Статус адресанта может быть выше или ниже статуса адресата; как правило, реализуется прямо. Интересен факт того, что присяги часто имеют форму готовых (прецедентных) текстов, которые зачитываются либо произносятся вслух публично.

Обязательство имеет формулу “*I commit myself to do p*”. Подобной семантикой обладают *obligate, bind oneself, covenant* и *undertake* [3]. Логико-семантическая модель: *I'll do p* = [я говорю, что сделаю р]. Приняв на себя обязательство, говорящий дает знать, что намерен в будущем осуществить обещанное действие. Статус адресанта может быть выше или ниже статуса адресата. Обязательство может реализовываться как прямо, так и косвенно. Прямая реализация обязательна в формальных ситуациях коммуникации.

Уверение имеет перформативную формулу “*I assure you that*”. Подобной семантикой обладают также *affirm, insure* и *secure* [3]. Логико-семантическая модель: *I'll do p* = [я говорю, что сделаю р, так как хочу, чтобы ты не сомневался в этом]. Реализуя уверение, говорящий считает, что дает слушающему основание для ожидания выполнения обещанного действия в будущем в указанные сроки, указанным образом и уверенность в том, что именно так все произойдет. Статус адресанта может быть как выше, так и ниже статуса адресата. Уверение может реализовываться как прямо, так и косвенно.

Ручательство реализуется по формуле “*I testify that*”. Подобной семантикой обладают *vouch, grant, evidence* и *verify* [3]. Логико-семантическая модель: *I'll do p* = [я публично заявляю, что сделаю р в случае если третье лицо не выполнит р / не будет следовать определенной линии поведения]. Говорящий является гарантом выполнения обещанного действия третьим лицом в будущем. Статус адресанта должен быть как выше или равен статусу адресата. В большинстве случаев ручательства реализуются прямо.

Гарантия – прагмасемантическая разновидность РА промисива, соответствующая перформативной формуле “*I guarantee you that*”. Подобной семантикой обладают также *warrant* и *insure* [3]. Логико-семантическая модель: *I'll do p* = [я говорю / удостоверю письменно, что сделаю р, если возникнут какие-либо проблемы с объектом, о котором идет речь]. Реализуя гарантию, говорящий дает слушающему уверенность в выполнении обещанного действия в будущем в указанные сроки, указанным образом в случае необходимости. Статус адресанта может быть выше или ниже статуса адресата. Гарантия имеет тенденцию преимущественно к прямой реализации.

По семантической наполненности РА обещания могут быть **информативными** (полнозначные обещания, обязательным условием успешности реализации которых является искренность говорящего, произносящего

обещание [4, с. 51; 2, с. 235]. В данном типе РА это условие соблюдается полностью) и метакоммуникативными (десемантизированные, сохранившие форму, но утратившие свое содержание речевые штампы, клише; обещания, данные для соблюдения вежливости в рамках неконфликтного дискурса (подробнее у П.Грайса, Дж.Лича), где основной задачей является улучшение / поддержание взаимоотношений коммуникантов. Подобные обещания считаются успешными только потому, что они были успешно произнесены [2, с. 252]. Фактор искренности в них отсутствует). Например, ситуация, в которой бывшие сокурсники приехали на встречу в колледж 20 лет спустя будучи, по сути, чужими людьми друг для друга. Ситуация прощания:

BIRKETT (head porter): Good-bye, Mr. Snell, sir. Come and see us again, won't you? We shan't forget you next time!

SNELL: I'll notify everyone about the wedding.

SAINSBURY: See you all the decade after this. (M.Frayn. Donkey's Years, act III). – в данном примере реплики Биркетта и Снелла являются косвенными обещаниями, в них легко восстанавливается перформатив *promise*. Но таковыми они есть только по форме, так как отсутствует условие искренности, а значит и обязательность исполнения обещанных действий.

По пропозиции РА можно выделить 1). *promise + Vp*. (где *Vp* – глагол, декларирующий обещанное действие): *некто кому-то обещает сделать нечто каким-то образом*. Вариации данной разновидности РА: *promise to do* – обещание действия и *promise not to do* – обещание бездействия (e.g. *promise to come, promise not to lie*); 2). *promise + N* (где *N* – существительное, называющее обещанный предмет / объект / феномен), *некто обещает нечто кому-то каким-то образом* (e.g. *promise a house; promise freedom*).

Как видно из всего вышесказанного, РА промисивы характеризуется неоднородностью и богатством разновидностей. В ходе дальнейшего исследования нам представляется целесообразным детальное рассмотрение когнитивного компонента РА обещания с вычленением прототипа категории *ОБЕЩАТЬ*, а также анализ и описание перечисленных выше прагматических разновидностей РА промисивов с точки зрения диахронии, выявление инварианта и исторических переменных.

Источники и литература

1. Ballmer Th., Brennenstuhl W. Speech act classification. – Berlin etc.: Mouton de Gruyter. – 1981. – 274 p.
2. Levinson S. Pragmatics. – Cambridge University Press, 1983. – 397 p.
3. Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary. – London etc.: Academic Press, 1987. – 397 p.
4. Yule G. Pragmatics. – Oxford University Press, 2000. – 138 p.
5. Безугла Л. Р., Бондаренко С. В., Донець П. М. та ін. Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен / Під загальн. ред. Шевченко І.С.: Монографія. – Харків: Константа, 2005. – 356 с.
6. Вежбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. – М: Прогресс, 1986. – С. 251-275.
7. Восканян Г. Р. Структура, типы, контексты функционирования комиссивных и эмфатических ассертивных высказываний в современном английском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Пятигорск, 1985. – 16 с.
8. Иванова И. П., Буракова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М: Высшая школа, 1981. – 285 с.
9. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: «Гнозис», 2002. – 333 с.
10. Кубрякова Е. С. О типах дискурсивной деятельности // Вестник МГЛУ. – 2003. – № 4 78. – С.5-10.
11. Частникова С. А. Прямой и косвенный речевой акт обещания в английском дискурсе // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2005. – №667. – С. 74-78.
12. Частникова С. А. Статус речевого акта промисива // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н.Каразіна. – 2004. – № 636. – С.105-108.
13. Шевченко И. С. Историческая динамика прагматики предложения. Английское вопросительное предложение 16-20 вв.: Монография. – Харьков: Константа, 1998. – 168 с.
14. Шевченко И. С. Становление когнитивно-коммуникативной парадигмы в лингвистике // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н.Каразіна. – 2004. – №635. – С. 202-205.

Чевела О. В.

НЕСЛИЯННО И НЕРАЗДЕЛЬНО: ОБ АНТИНОМИЯХ В ГРЕКО-СЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ ГИМНОВ И ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ ШАРАКАНЕ В КОНТЕКСТЕ РИТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Актуальность. Метод, направленный на изучение риторических приемов сакрального текста в отношении к его содержанию, в современной теологической герменевтике известен под названием риторического анализа. Как отмечают исследователи, «важнейшие переломные моменты развития герменевтического метода совпадали по времени и были связаны с крупнейшими историческими событиями, определялись в конечном счете практическими потребностями жизни людей» [1: 67]. И потому не случаен в нынешнюю эпоху духовного возрождения России, «поворот» исследований в сторону герменевтического направления, интегрирующего прежде разделенные достижения светской и церковной науки.

Постановка проблемы. Развитие герменевтики начинается с приема парафраза – пересказа, переложения того же текста, но другими словами. Христианские гимны создавались путем варьирования формул Священного Писания в рамках христианского вероучения, что подтверждают и слова «Послания патриархов Восточно-кафолической церкви о православной вере»: «Все сии книги (Триоди, Минеи) и прочие содержат здоровое и истинное богословие, и состоят из песней, или выбранных из Священного Писания, или составленных по внушению Духа, так что в наших песнопениях только слова другие, нежели в Писании, а собственно мы поем то же, что в Писании, только другими словами» (разрядка наша). Сообразно этому Текст Священного Писания рассматривается нами в качестве архетипа, который наполняется новым содержанием во вторичных текстах, что достигается анализом связей отрывка с контекстом, соотношением *параллельных мест* и выделением первичных формул и их парафразов, возникших в ходе экспликации смысла.

В отечественной традиции собственно православная герменевтика представлена трудами Г. А. Шпета, П. А. Флоренского, П. И. Савваитова, а в современной академической среде – Е. М. Верещагина и А. М. Камчатнова.

Целью данного исследования является сравнительное изучение фигуры оксюморона в греко-славянском тексте гимнов и древнеармянском Шаракане (сборнике богослужебных канонов и песен армянской восточной церкви), с точки зрения выявления универсальных первичных элементов, механизмов их образования и